

ВОКРУГ ХОРА

«Уважаемая редакция! Пишут вам работники Дворца культуры им. XIX партсъезда. Убедительно просим разобраться в финансовых делах нашей администрации. Директор Дворца без всяких оснований снимает оклады с работников или самовольно сокращает их наполовину...»
Шесть подписей сотрудников.

«Уважаемая редакция! К вам поступила жалоба на директора Дворца культуры. До каких пор клеветники и бездельники будут чернить честное имя человека, нашего директора? Просим помочь нам создать нормальную обстановку для работы.

Председатель месткома САЗОНОВА.
Секретарь парторганизации АБРАМОВА».

Дворец культуры был старым. Но он был единственным в Байдаевке, и люди шли сюда в кино, на танцы, заниматься в самодеятельном коллективе.

Надежда Шатаева пела в хоре. В самодеятельности она участвовала с увлечением, поэтому о выборе профессии раздумывала после школы недолго и, окончив культурпросветучилище, подала документы в институт культуры. Дворец культуры им. XIX партсъезда для нее всегда был своим, в него она и вернулась в 1977 году после института с дипломом хормейстера.

Первая же планерка Шатаеву разочаровала. Она ждала творческой атмосферы, а здесь говорили о хозяйственных делах, ремонте, Дворец был старый, и эти вопросы являлись для него насущными. Каждый занимался своим делом, и никто не спешил обратить внимание на ее творческие искания, желание создать что-то небывалое, к чему готовили в институте. Некоторые умудренно говорили: «Остынешь».

Как хормейстеру ей нужно было создать хоровой коллектив. Она пошла на шах-

ту «Байдаевская», которая является владельцем Дворца им. XIX партсъезда, но шахтеры не спешили записываться в хор, а администрация отказалась освобождать их для участия в репетициях, справедливо мотивируя это тем, что самостоятельно нужно заниматься в свободное время. Но хор требовался, и он появился. В соседней 11-й больнице была хоровая группа, но не было руководителя, а во Дворце был руководитель, но не было группы. Клубным работникам не возбраняется совмещать должности и Шатаева приняла руководство хором медиков. Но вместо того, чтобы организовать и своей во Дворце, решила с молчаливого согласия руководства ДК ограничиться одним, выставляя его на разных смотрах, как отдельные коллективы. И все было бы

хорошо, если бы однажды на это не обратили внимания. Последовал резонный вопрос: «Почему один коллектив представляет две организации?» — и от хора медиков пришлось отказаться. Их сменили учителя из окрестных школ, у которых была схожая с медиками ситуация. Легкость, с которой отыскивались «подставные игроки», не могла не дать своих результатов: хор учителей не состоялся как творческий коллектив, что и было отмечено на смотре самодеятельности теркома профсоюза рабочих угольной промышленности в прошлом году.

Сейчас хормейстер и руководители Дворца по-разному объясняют тот провал.

«Меня предупредили о смотре за полтора месяца. За это время хороший коллектив создать невозможно,

— говорят Надежда Ивановна Шатаева. «Она весь год ничего не делала, откуда же взяться коллективу», — поправляет ее директор Лариса Семеновна Груздева.

Эта фраза: «Ничего не делала» — постоянно всплывала в беседах с руководящим «треугольником» Дворца — директором, парторгом, профоргом. Но в то же время за все четыре года работы Шатаева не получила ни одного выяснения за свою бездеятельность.

— Лариса Семеновна — очень добрый человек и она надеялась, что Шатаева, наконец, начнет работать. — сказала профорг Л. П. Сазонова. Но после смотра, когда в адрес Дворца были высказаны неприятные замечания, терпение у директора, видимо, истощилось, и Груздева сядла с Шатаевой по поводу оклада. О том, что деяние

это было незаконным, никто тогда не подумал. На эмоциональный порыв директора: «Почему бездельники должны получать полный оклад?» — Шатаева ответила не менее решительно: «Не восстановите зарплату — наплачесь».

И во Дворце началось то, что в классической литературе называют конфликтом из гоголевского «Ревизора», то есть конфликтом, когда нет положительного героя. Шатаева, а с ней еще пять сотрудников, написали письмо в городской комитет народного контроля (четверо из подписавшихся из Дворца сейчас уволились, оставшиеся в претензиях удовлетворены) и в редакцию, вскрывая злоупотребления директора. Скажем сразу, большая часть их не подтвердилась. В свою очередь, секретарь парторганизации Дворца Н. Г. Абрамова и профорг Л. П. Сазо-

нова направили в редакцию свое письмо, в котором требовали осудить (морально) Шатаеву, как человека недостойного, к тому же вроде бы подделавшего подписи под первым письмом, которые, как потом выяснилось, были подлинными.

Когда я пришел во Дворец, конфликт внешне был уже исчерпан. Шатаева уволилась по собственному желанию, незаконно удержанные с нее пол-оклада ей возвращены, и все, с кем я разговаривал, были единодушны: вспоминать сейчас о нем, значит снова раздувать страсти. Этой истории предлагался хороший конец: жалобщики, поняв свою несостоятельность, из Дворца ушли или замолчали, директор (она была наказана народным контролем денежным начетом в размере оклада) свои ошибки осознала и, наконец, создались все условия для нормальной творческой работы, которая не замедлит дать свои плоды.

Но всякая законченная история предполагает какие-то выводы. Их же сделано не

было. Хотя бы такого: зачем нужна художественная самодейтельность? Наверняка не затем, чтобы ставить газочки в отчетах. Здесь же дирекция четыре года смотрела на подставные хоры, довольствуясь их выступлениями на смотрах вместо того, чтобы помочь Шатаевой создать во Дворце свой, может быть, не обязательно из одних шахтеров. Именно в роли помощников нужно было увидеть себя руководителю Дворца, а не наблюдателю могущих в то же время «применить силу», если наблюдаемая картина не складывается удачно.

Сейчас хора во Дворце нет. Нет и уверенности, что когда он появится, прежняя история не повторится. В всяком случае у меня после разговоров с руководителями Дворца ее не возникло. Поэтому я все же решил написать об этой истории. Хотя бы для того, чтобы байдаевские припевы снова забывали со сцены. И уж, конечно, не для отчета

В. БАЛИУЛИН.